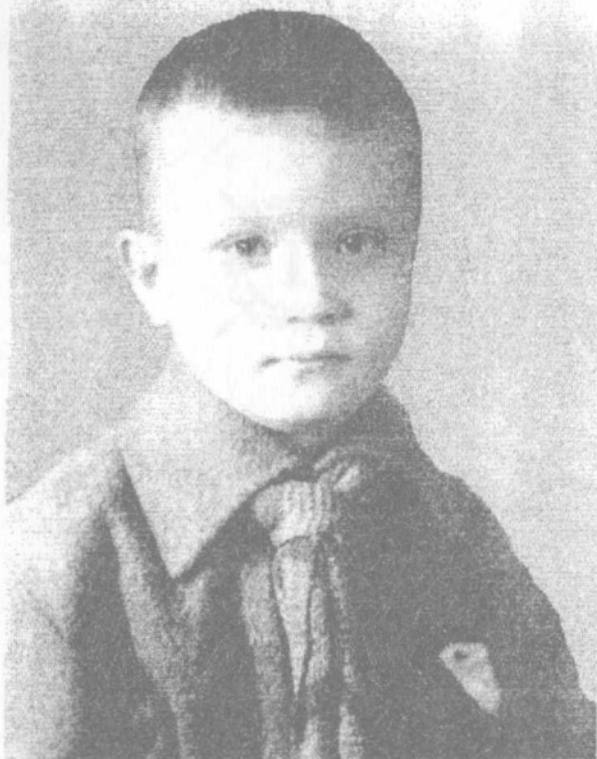

г. Вологда

Я САМ КОГДА – ТО БЫЛ ТАКИМ...

— Из детского сна (6.10.73.)

Приснилось стихотворение коротенькое:
Воробей спрашивает у медведя:

— Как же ты еще жив,
Ведь ты все время возле нас крутился?
А медведь:
— Не знаю сам,
Здоров я, видно, уродился.

Всю ночь плескалися зарницы
Дрожащим светом неземным.
Молчало все: деревья, небо, птицы.
Холодный воздух пуст и недвижим.

И мы с тобой в сарае темном,
Внимая этой тишине,
Как будто плыли в мгле бездонной,
В знакомом, но забытом сне...

• • •

Сегодня снова в белой блузке
Придешь с подругой ты в кино.
И я к ладони твоей узкой
Притронусь грустно. Как давно...

Два дня с тобой мы не видались,
Два дня мы были вдалеке.
И вот (о чудо!) прикасаюсь
К твоей чуть вздрогнувшей руке.

И забываю все на свете,
Улыбку глаз твоих ловлю,
И в долгие мгновенья эти
Всего сильней тебя люблю.

• • •

Это не любовь — минутное влеченье.
И тебя целуя, волосы лаская,
Помню я, что это только приключенье,
Это голос сердца говорит, не зная,

Что же будет дальше, лишь через неделю,
Когда склынет страсти первый, жадный пыл.
Только знаю точно: не скажу себе я,
Что в минуты эти я тебя любил.

• • •

Я довольно уж всем говорил,
Что еще никого не любил.
Не любил. Что же значит — любить?
Обещать, что не сможешь забыть?
Не совершишь, не обманешь ни в чем?
И уступишь в желаньи своем?
Об одной будешь помнить везде?
И как другу поможешь в беде?
Не любил. Очень трудно сказать:
«Я люблю.» Лучше просто молчать.

* * *

Когда у Ваших глаз
Я радостен стою,
Опять «Я встретил Вас»,
Мне кажется, пою.

Опять рука в руке,
Чуть слышный аромат.
Опять щека к щеке.
И поцелуй. И взгляд.

* * *

Над Ригой свежий ветер с моря,
В осеннем золоте земля.
А по земле, смеясь и споря,
Шагают смело дембеля.

Ракетчики, десант, граница,
Конвой, пехота и стройбат.
Как любо мне смотреть на лица
Свой долг исполнивших солдат.

Идут ребята шагом вольным,
А не рубают строевым.
Смотрю, завидую и помню:
Я сам когда — то был таким.

• • •

В том далеком краю, где целует рассвет
Молодую росистую елку,
Где луна тихий свет проливает порой
В облаков мимолетную щелку,
Там живет в уголке,
В тишине,
В темноте,
В поцелуях глухих
Любовь втихомолку.

• • •

Спит река, не морщнясь ничуть,
Острых копий осока заснула,
А реке на широкую грудь
Осторожно луна прикорнула.

Вспорет катер зеркальную гладь,
Звезд лицо всколыхнется глубоко —
И опять ничего не слыхать,
Только ночь, да луна, да осока.

• • •

Я вышел на крыльцо. Блестит берез листва.
Вокруг ветвей украдкой ветер бродит.
И месяц молодой над кровлями восходит.
И чудятся неясные слова.

• • •

Как река потемнела в грозу!
Это туча в реке отразилась.
Растворила в себе бирюзу
И на дно тяжело опустилась.

Прогремел отдаленный раскат,
Зашумели встревоженно кроны.
Стай сорванных листьев летят,
Опускаясь на стихнувший город.

ПОД НЕБОМ СЛАВЯНСКИМ

Из героического сна (25.10.83.)

... Тогда я сражусь с драконом. Я схватил какой-то меч с искривленной гардой и скачу к замку, на скаку поправляю гарду, всех зову с собою и говорю стихами из «Песни о Нibelунгах». Помню отрывок:

— Пускай костьюми мы ляжем в бою с драконом злым,
Но чести не уроним пред Господом Самим.

• • •

Отбрось тоску и боль,
Твори беспечно.
Что было легкий миг,
То будет вечно.

Люби, трудись, твори
Без воздаянья.
Поверь, настанет миг:
За все страданья.

Ты обретешь сполна
Свою награду:
Сердечный мир, покой,
Душе отраду.

НОСТАЛЬГИЯ*

Я был бы героем с завидной судьбой,
Но только на свет я родился,
Как тут же Атропы бесстрастной рукой
На атомов горсть раздробился.

Я — римлянин древний, Помпея я сын
От Юлии в родах умершей.
Я облаком стал, стал я каплей росы,
Оливой, от зноя поблекшей.

Я — Цезаря внук, с ним я рядом стоял,
Когда Рубикон перешел он.
Я видел Илерду, Диrrhaхий, Фарсал,
И мрамор отца отомщенный.

Я славы Отечества видел расцвет,
Когда древний знак Легиона,
Траяном несомый как символ побед,
Явился у стен Ктесифона.

Я Города день роковой лицезрел.
Изменой открыты ворота.
И — ужас! — на форум священный влетел
Скаакун кочевого вестгота.

Я странствовал долго и снова возник,
На смертный удел обреченный,
Под небом славянским, где русский язык
Стал жизнью моей изреченной.

Живу и люблю здесь, но частью души —
За дальней чертой небосклона,
На родине прежней, где дремлет в тиши
Сияющий свод Пантеона.

*Комментарий стр. 31

НЕМОЙ КОЛОКОЛ

Висит он как чудо, как диво.
И праздные люди, толпясь,
Глядят, как бежит прихотливо
По краю узорная вязь.

Им чужды старинные думы,
Невнятен им памяти зов.
Им колокол этот угрюмый —
Махина в полтыши пудов.

Но гомон людской затихает —
Лишь птицы, да ветра полет.
А колокол старый мечтает,
Когда он опять запоет.

Как грянет, ликуя, над градом
Свободно поющая медь.
Над светлой рекою, над садом,
Над жизнью, не верящей в смерть!

Притихнет народ изумленный,
Услышав над головой
Тревожный распев колокольный,
Истории голос живой.

Пока же, для жизни рожденный,
На привязи тяжкий язык.
Молчит, немотой удрученный,
Могучий и мудрый старик.

ВИДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

І

Год сорок первый — год суровый
Для милой Родины моей,
Когда фашистский зверь матерый,
Топтал простор ее полей.

Все на пути своем сметая,
Он неотступно шел вперед.
Кто ж спас тебя, земля родная?
Кто был надежный твой оплот?

Когда и в Подмосковья рощи
Проникла злобная орда,
Откуда встал заступник мощный,
Кто защитил тебя тогда?

ІІ

Всем сердцем изучив науку
Российской славы боевой,
Отчизны страж — Георгий Жуков
Врага встречает под Москвой.

Ни сна, ни отдыха не зная,
Он по дорогам колесит.
К отпору силы собирая,
В машине ест, в машине спит.

В ненастную однажды пору
Они с шофером в Ставку мчат.
Вдруг на кругом подъеме в гору
У «эмки» лопнул задний скат.

Шофер запаску торопливо
Достал: мол, мигом обернусь.
Но генерал нетерпеливо:
— Догонишь. Я пешком пройдусь.

Идет по глинистой дороге,
В висках нежданный снег седин.
Раздумий полн, душа в тревоге.
И так на холм взошел один.

III

И видит взором потрясенным:
Над осажденною Москвой
В печальном небе вознесенный
Небесных воев дивный строй.

В шеренгах ангелы крылаты
(Златых волос волна до плеч).
На персях воинские латы,
В руке копье иль острый меч.

И во главе сего собора
Святых необоримых сил
Начальник грозного дозора,
Стратег верховный — Михаил.

Едина с воинством чудесным
Святых российская семья.
Стоят полком могучим, тесным:
Довмонт и Муромец Илья.

Князь Александр, воитель Невский,
Борис и Глеб (бледны от ран),
Игумен Сергий Радонежский,
Отец Кронштадский Иоанн.

Донской Димитрий, витязь знатный,
Царь Николай и рядом с ним
Угодник Божий, благодатный
Саровский старец Серафим.

Немым волнением объятый
Глядит герой на облака.
И поднялась ко лбу солдата
В священном трепете рука.

IV

В Кремле, уже глубокой ночью,
Склонясь над картою штабной,
Вождю доклад он сделал точный
Об обстановке фронтовой.

Закончив долгие расспросы,
Отходит Сталин от стола.
Табак душистый папиросы
Крошил он в трубку. Залегла

Бессонницы морщина горько
На переносье. Скорбен взгляд,
Спросил задумчиво: — Георгий,
А что в народе говорят?

И видит полководец: снова
Дружина чудная пред ним.
И молвил сдержанно — сурово:
— Москвы врагу не отдадим!

КАЖДЫЙ СВОЙ ДЕНЬ ОПРАВДАЙ...

Из взрослого сна (24.5.89.)

Проснулся в 5.17. и записал урывок стихов,
конец одной строки, а другую полностью:
.....Христос,
Вернувший людям мир без слез.

ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Сначала – Бог.
Потом – Россия:
Края родные и семья.
Потом – работа и забота,
Как долгоденствуют друзья.
И лишь в конце последней строчки,
В соседстве возле скромной точки,
Смиренно поместится – Я.

* * *

Что ощущает трава,
Когда ее целует корова
Своими толстыми, слюнявыми губами?
И до того увлечется поцелуем,
Что втягивает траву в свою теплую,
Приветливую пасть.
Трава долго путешествует
По желудочно — кишечному тракту коровы,
Забывает и вновь вспоминает себя,
И вдруг, изумленная, видит, что она —
Молоко!

ТЕЛЕНОК

Запах навоза — пряный и гладкий,
как шерсть у теленка на лбу.
Запах навоза — запах теплой и мягкой жизни,
которая испуганно постукивает прямыми,
как пестики, ножками,
отбегает в угол стойла
и блестит оттуда
добрими, темными глазами.

ОБЛОМКИ СТРАННОГО АЛФАВИТА

Буква «смерть» — это пустая телега, с колесами, окованными железными обручами. Она раздавила на булыжной мостовой тишину рассвета и, дребезжа, затихает вдали.

В букве «мать» ощущается порыв жесткого ветра из страны воспоминаний. Он трет теркой память, и из нее крошатся крупицы существующей любви.

Буква «чтоб» похожа на глянцевитый желтый глаз под восковой рубашкой.

Буква «сын» — это шелковистый зеленоватый свет, струящийся ночью, днем и в сумерки.

Буква «жена» — это скользящие и пугающие, радостные прикосновения водорослей, когда плывешь по морю любви.

Буква «Христос» — прожигающее дыхание колючего суховея Палестины.

Чем выше оно поднимается туда, где холодная, беспробывная ночь, тем обильнее выпадает роса.

Буква «скелет» — текущие горизонтально струйки, которые проткнул хрустальный гвоздь.

Буква «радикулит» — это стальная синеватая проволока, ее с усилием согнули.

Буква «дорога» — это катящиеся обручи, подскакивающие на мелких камешках.

Буква «храп» — резиновый громоздкий жернов с шипами.

Буква «жизнь» — это взвинченный полет в нагретом воздухе.

Буква «казарма» — велосипедная цепь, скрученная судорогой.

Буква «лошадь» — это что-то гладкое, шагающее в углубления сознания.

ЛУКОВИЧКА.

Прости, но я сниму с тебя твой
Желто — золотистый плащик.
Прости, что подцепляю его грубым, жестоким
Ноitem,
Стягиваю слабую легкую одежду
С тонкими нервными прожилками.
Вот твое тело —
Белое, сочное, чистое.
Там
В глубине, многослойной и плотной,
Темной, как земля,
Что родила тебя,
Таится твоя душа.
Сейчас я увижу ее,
Потрогаю,
Спрошу самую главную земляную тайну.
Но, боже, отчего так текут слезы?

ГОСТЬ

Вышел я в коридор.
Слышу — кто — то топчется на крыльце.
Открываю двери,
А это — дождь!

• • •

Одннадцать тополей чернеют в лунной,
обступившей их ночи.
Одннадцать тополей молчат под сиянием
далеких звезд.
Слышно, как, пробираясь меж ветвей,
шуршит одинокий лист.
Грачи улетели сегодня.

КСЕНИИ *

Ваймарский дом двухэтажный, с мансардой.
На Фрауэнплане.
Старца великого тень там обитает теперь.
Сладким мечтаньем объят я: *Salve*** желанную надпись
Взором телесным хочу я хоть однажды прочесть.

• • •

Юноша, если стать мужем великим мечтаешь,
Гёте последуй: трудом каждый свой день оправдай.

• • •

Юлий великий заметил, что храбрый не может быть
бедным.
Что же имел он в виду: храбрость меча иль пера?

• • •

Чистой душе не нужны предсказанья о будущем
тайном.
Тайны не хочет она, радостно жить ей сейчас.

• • •

Гения юного тень вновь надо мною витает.
Бахуса в помощь призвав, бодро стихи я пишу.

• • •

Силы иссякли. Устав на работе тяжелой,
Сплю на столе средь начатых великих трудов.

• • •

* Ксении — маленькие подарки, греч.

** *Salve* — здравствуй, лат.

Спать не желаю — молю! — Марциалом хочу
насладиться.
Прочь же, Гипноз, уходи, не мешайся меж вялых
ресниц.
Но неотвязчивый бог шепчет мне что-то прилежно.
Малость еще поборюсь и на столе захраплю.

Времени полночь. Котенок пушистый заснул на диване.
Девочка, мама и брат — в сладких несбыточных снах.
Улицы пусты, (все люди давно в свои гнезда
забрались).
Мне хорошо в тишине людям придумывать сны.

Истина эта стара и порядком уж всем надоела,
Но лишний раз повторить все же не мешает ее:
Прежде чем хаять других, на себя посмотри
беспристрастно.
Прежде чем взяться судить, раньше себя осуди.

Дождь животворный, короткий и сильный, шумящий,
Кончился. Свежее небо синеет, смородины листья
блестят.

Потный прославлен спортсмен, подлый политик
в почете,
Но прозябает в глухи взысканный богом поэт.
Но не крушись, Аполлонов избранник, на горькую
долю не сетуй.
К славе не рвись, избегай липких объятий ее.
Только коснется тебя, одурманит дыханьем тлетворным,
Потом пропахнешь тотчас, подлостью станешь смердеть.

• • •
Нас демократии учат партийные бывшие боссы.
Бются, хлопочут, шумят — проку же нет ни на грош.
Или свихнулись они, или нас дураками считают:
Где ж это видано, чтоб честности вор обучал.

• • •
Нет преимуществ, друзья, и у многопартийной
системы:
По лбу иль в лоб получить — разницы нет никакой.

• • •
Друг мой хороший в политику, в омут глубокий,
зловонный
Кинулся. Ну, а по мне: лучше б романы строчил.
Страсти уймутся, и что ж он потомкам оставит?
Слушай, шепну на ушко: лишь натуральнейший пшик.

• • •
В келье поэту почет, а на площадь он шумную выйдет,
Вмиг потеряет себя, станет похожим на всех.

• • •
Жизнь нас томит и гнетет. Равнодушной холодной
рукою
Шкуру сдирает живьем, избивает и мучит без злобы.
Мало таких, кто с постылой сразиться достоин.
Лет только тридцать прожив, большинство из людей
умирает.
Все отдают, расстаются со всем добровольно:
Мысли, мечты, чувств нежнейших скромный букетик —
За борт все — к черту! — летит. Только лишь бы
Жизнь их оставила, чтоб отвязалась зануда. Они же
Тихо средь мелких желаний, привычек, полезных и
сладких,
Дни провожают свои и однажды навек засыпают.

Дни провожают свои и однажды навек засыпают.
Так засыпает трава в октябре, чтобы снова в апреле
проснуться.

Вам же, герои, пред кем замираю безмолвно,
Вам моя песнь, с вами вместе в одной колеснице
Мчаться хочу на широкое бранное поле.
Дни там, как копья летят, бьют в щиты и ломаются
с треском.
Годы блестят как мечи, изощренные смертью
внезапной.
Легкий, тревожащий след на мечах оставляет любовь.

• • •

Жизнь пролетает как дым, что в небесной дали
исчезает.
Тает — и нет его. В знойном зените исчез.

К стихотворению «Ностальгия»
Комментарии:

Атропа — одна из трех Парок (богинь судьбы в древнеримской мифологии), перерезывавшая нить жизни.

Гней Помпей Магн — римский полководец, государственный деятель. 106 — 48 г. до н.э.

Юлия — дочь Юлия Цезаря, жена Помпея, 81 — 56 г. до н.э.

Гай Юлий Цезарь — римский полководец, государственный деятель, писатель, 100 — 44 г. до н.э.

Рубикон — река в Северной Италии. Когда Цезарь перешел ее со своим войском, началась гражданская война.

Илерда, Диорахий, Фарсал — места сражений Юлия Цезаря.

Мрамор отца отомщенный — Юлий Цезарь был убит у статуи Помпея, капли крови Цезаря забрызгали ее пьедестал.

Легион — войсковая единица в римской армии; в собирательном смысле — вооруженные силы. Военачальнику, получавшему власть над войском, вручался скипетр (прообраз будущего маршальского жезла).

Марк Ульпий Траян — римский император. При нем римское государство достигло вершины своего могущества. 53 — 117 г.

Ктесифон — столица Парфянского государства, взятая Траяном.

Вестготы (визиготы) — кочевое племя эпохи переселения народов. Вождь вестготов Аларих в 410 г. захватил Рим.

Пантеон — храм всех богов в Риме, в 7 — 19 вв. христианская церковь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я сам когда -то был таким

«Всю ночь плескалися зарницы...»	3
«Сегодня снова в белой блузке...»	4
«Это не любовь — минутное влечение...»	5
«Я довольно уж всем говорил...»	6
«Когда у Ваших глаз...»	7
«Над Ригой свежий ветер с моря...»	8
«В том далеком kraю...»	9
«Спит река, не морщнясь ничуть...»	9
«Я вышел на крыльцо...»	10
«Как река потемнела в грозу...»	10

Под небом славянским

«Отбрось тоску и боль...»	13
Ностальгия	14
Немой колокол	15
Видение полководца	16

Каждый свой день оправдай...

Образ жизни русского человека	21
«Что ощущает трава...»	22
Теленок	22
Обломки странного алфавита	23
Луковичка	25
Гость	26
«Однинадцать тополей...»	26
Ксении	27

Редактор – составитель А.Цыганов

Я начинал свой творческий путь, как и все нормальные люди, со стихов: первое стихотворение я попытался сочинить едва ли не в шестилетнем возрасте. Первая же поэтическая книжка выходит только в преддверии моего полувекового юбилея. Конечно, это несколько странно, но ведь книги сродни детям: они являются в жизнь своим таинственным, у которого свои закономерности, образом.

Роберт Балакшин